

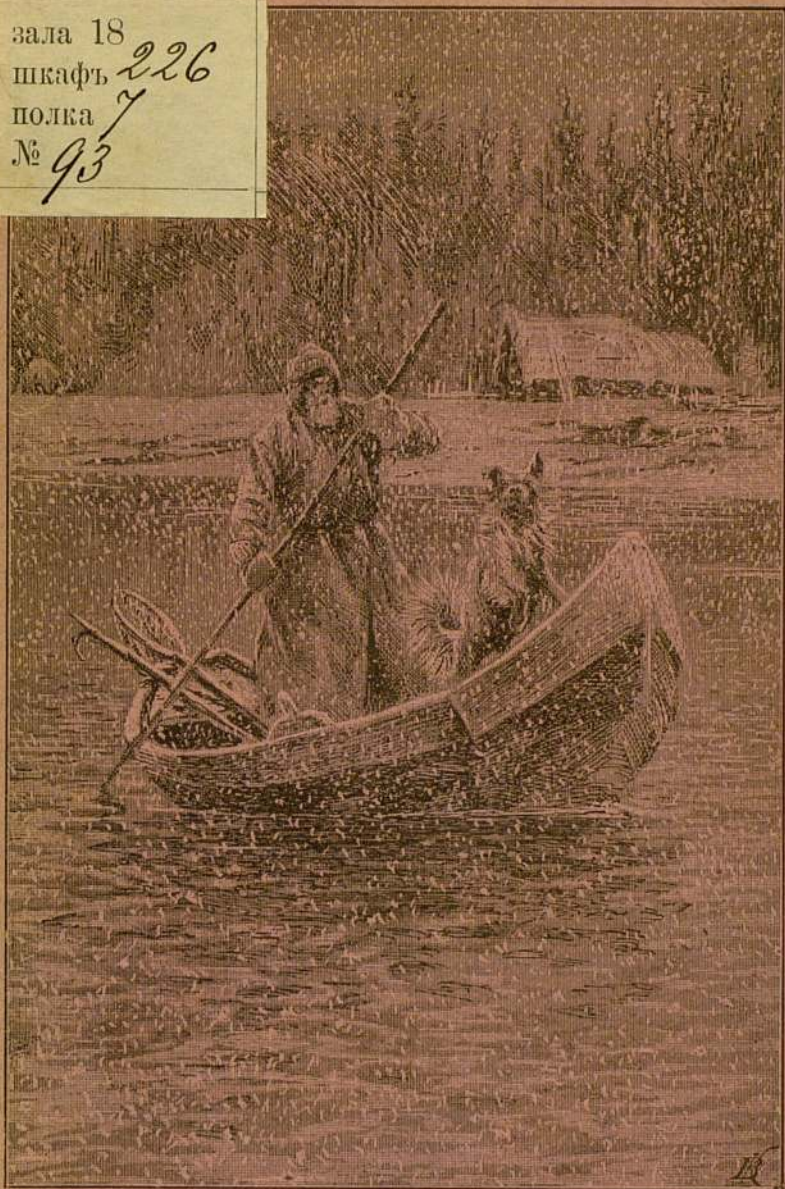
зала 18

шкафъ

226

полка

№

7
93

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

ЗИМОВЬЕ НА СТУДЕНОЙ.

РАЗСКАЗЪ.

Издание С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, состоящаго при
Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12

1894

ЗНАКОМСТВО НА СТАДЕНОН

РАЗСЯКА

Дозволено пензурую. С.-Петербургъ, 1 Марта 1894 г.

Издано С.-Петербургъ, 1 Марта 1894 г. Издательство С.-Петербургъ, 1 Марта 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тиражъ 1000 экз. С.-Петербургъ, 1894 г.

1894

Зимовье на студеной.

I.

Старикъ лежалъ на своей лавочкѣ, у печи, закрывшись старой дохой ¹⁾ изъ вылѣзшихъ оленьихъ шкуръ. Было рано, или поздно—онъ не зналъ, да и знать не могъ, потому что свѣтало поздно, а небо еще съ вечера было затянуто низкими осенними тучами. Вставать ему не хотѣлось: въ избушкѣ было холодно, а у него уже нѣсколько дней болѣли и спина, и ноги. Спать онъ тоже не хотѣлъ, а лежалъ такъ, чтобы провести время. Да и куда ему было торопиться? Его разбудило осторожное царапанье въ дверь,—это просился Музгарко, небольшая пестрая вогульская ²⁾ собака, жившая въ этой избушкѣ уже лѣтъ десять.

— Я вотъ тебѣ задамъ, Музгарко!..—заворчалъ старикъ, кутаясь въ свою доху съ головой.—Ты у меня поцарапайся...

Примѣчаніе. Этотъ рассказъ былъ первоначально напечатанъ въ журналѣ «Міръ Божій».

¹⁾ Доха—употребляемая въ Сибири шуба, имѣющая мѣхъ не только внутри, но и снаружи.

²⁾ Вогулы—племя, живущее на сѣверѣ Россіи.

Собака на время перестала скоблить дверь своей лапой, а потомъ вдругъ взвыла протяжно и жалобно.

— Ахъ, штобъ тебя волки съѣли!..—обругался старикъ, поднимаясь съ лавки.

Онъ въ темнотѣ подошелъ къ двери, отворилъ ее и все понялъ—отчего у него болѣла спина, и отчего завывала собака. Все, что можно было разсмотрѣть въ приотворенную дверь, было покрыто снѣгомъ. Да, онъ ясно теперь видѣлъ, какъ въ воздухѣ кружилась живая сѣтка изъ мягкихъ, пушистыхъ снѣжинокъ. Въ избѣ было темно, а къ снѣгу все видно—и зубчатую стѣнку стоявшаго за рѣкой лѣса, и надувшуюся, почернѣвшую рѣку, и каменистый мысъ, выдававшійся въ рѣку круглымъ уступомъ. Умная собака сидѣла передъ раскрытой дверью и такими умными, говорящими, глазами смотрѣла на хозяина.

— Ну, што-же, значить, конецъ!..—отвѣтилъ ей старикъ на нѣмой вопросъ собачьихъ глазъ.—Ничего, братъ, не подѣлаешь... Шабашъ!..

Собака вильнула хвостомъ и тихо взвизгнула тѣмъ ласковымъ визгомъ, которымъ встрѣчала одного хозяина.

— Ну, шабашъ, ну, што подѣлаешь, Музгарко!.. Прокатилось наше красное лѣтичко, а теперь заляжемъ въ берлогѣ...

На эти слова послѣдовалъ легкій прыжокъ, и Музгарко очутился въ избушкѣ раньше хозяина.

— Не любишь зиму, а?—разговаривалъ старикъ съ собакой, растопляя старую печь, сложенную изъ дикаго камня.— Не правится, а?..

Колебавшееся въ цѣлѣ печки пламя освѣтило лавочку,

на которой спалъ старикъ, и цѣлый уголь избушки. Изъ темноты выступали законченныя бревна, покрытыя кой-гдѣ плѣсенью, развѣшенная въ углу сѣть, недоконченныя новыя лапти, нѣсколько бѣличьихъ шкурокъ, болтавшихся на деревянномъ крысу, а ближе всего самъ старикъ—сгорбленный, сѣдой, съ ужаснымъ лицомъ. Это лицо точно было сдвинуто на одну сторону, такъ что лѣвый глазъ вытекъ и закрылся припухшимъ вѣкомъ. Впрочемъ, безобразіе отчасти скрадывалось сѣдой бородой. Для Музгарки старикъ не былъ ни красивъ, ни некрасивъ.

Пока старикъ растоплялъ печь, уже разсвѣло. Сѣрое зимнее утро занялось съ такимъ трудомъ, точно невидимому солнцу было больно свѣтитъ. Въ избушкѣ едва можно было разсмотрѣть дальнюю стѣну, у которой тянулись широкія нары, устроенныя изъ тяжелыхъ деревянныхъ плахъ. Единственное окно, на половину залѣпленное рыбьимъ пузыремъ, едва пропускало свѣтъ. Музгарко сидѣлъ у порога и терпѣливо наблюдалъ за хозяиномъ, изрѣдка вилая хвостомъ. Но и собачьему терпѣнію бываетъ конецъ, и Музгарко опять слабо взвизгнулъ.

— Сейчасъ, не торопись,—отвѣтилъ ему старикъ, при-двигая къ огню чугунный котелокъ съ водой.—Успѣешь...

Музгарко легъ и, положивъ остромордую голову въ переднія лапы, не спускалъ глазъ съ хозяина. Когда старикъ накинулъ на плечи дырявый понитокъ, собака радостно залаяла и бросилась въ дверь.

— То-то вотъ у меня поясница третій день болить...—объяснялъ старикъ собакѣ на ходу.—Оно и вышло, што къ непастью. Вона какъ сиѣжокъ подваливается...

За одну ночь все кругомъ совсѣмъ измѣнилось,—лѣсъ казался ближе, рѣка точно сгузилась, а низкія зимнія облака ползли надъ самой землей и только не цѣплялись за верхушки елей и пихтъ. Вообще, видъ былъ самый печальный, а пушинки снѣга продолжали кружиться въ воздухѣ и беззвучно падали на помертвѣвшую землю. Старикъ оглянулся назадъ, за свою избушку—за ней уходило ржавое болото, чуть тронутое кустиками и жесткой болотной травой. Съ небольшими перерывами это болото тянулось верстъ на пятьдесятъ и отдѣляло избушку отъ всего живаго міра. А какая она маленькая показалась теперь старику, эта избушка, точно за ночь выросла въ землю...

Къ берегу была причалена лодка-душегубка. Музгарко первый вскочилъ въ нее, оперся передними лапами на край и зорко посмотрѣлъ вверху рѣки, туда, гдѣ выдавался мысъ, и слабо взвизгнулъ.

— Чему обрадовался спозаранку?—кликнулъ его старикъ.—Погоди, можетъ, и нѣтъ ничего...

Собака знала, что есть, и опять взвизгнула: она видѣла затонувшіе поплавки закинутой въ омутъ снасти. Лодка полетѣла вверхъ по рѣкѣ у самаго берега. Старикъ стоялъ на ногахъ и гналъ лодку впередъ, подпираясь шестомъ. Онъ тоже зналъ по визгу собаки, что будетъ добыча. Снасть, дѣйствительно, огрузла самой серединой, и, когда лодка подошла, деревянные поплавки повело книзу.

— Есть, Музгарко...

Снасть состояла изъ брошенной поперекъ рѣки бичевы съ поводками изъ тонкихъ шнуровъ и волосяной леси. Каждый поводокъ заканчивался острымъ крючкомъ. Подъ-

ѣхавъ къ концу снасти, старикъ осторожно началъ выбирать ее въ лодку. Добыча была хорошая: два большихъ сига, нѣсколько судаковъ, щука и цѣлыхъ пять штукъ стерлядей. Щука попалась большая, и съ ней было много хлопотъ. Старикъ осторожно подвелъ ее къ лодкѣ и сначала оглушилъ своимъ шестомъ, а потомъ уже вытащилъ. Музгарко сидѣлъ въ носу лодки и внимательно наблюдалъ за работой.

— Любишь стерлядку?—дразнилъ его старикъ, показывая рыбу.—А ловить не умѣешь... Погоди, заваримъ сегодня уху. Къ ненастью рыба идетъ лучше на крюкъ... Въ омутъ она теперь сбивается на зимнюю лежанку, а мы ее изъ омута и будемъ добывать: вся наша будетъ. Лучить уже поѣдемъ... Ну, а теперь айда домой!.. Судаковъ-то подвѣсимъ, высушимъ, а потомъ купцамъ продадимъ...

Старикъ запасалъ рыбу съ самой весны: часть вялилъ на солнцѣ, другую сушилъ въ избѣ, а остатки сваливалъ въ глубокую яму, въ родѣ колодца—эта послѣдняя служила кормомъ Музгаркѣ. Свѣжая рыба не переводилась у него цѣлый годъ, только не хватало у него соли, чтобы ее солить, да и хлѣба не всегда доставало, какъ было сейчасъ. Запасъ ему оставляли съ зимы до зимы.

— Скоро обозъ придетъ, —объяснялъ старикъ собакѣ.—Привезутъ намъ съ тобой и хлѣба, и соли, и пороху... Вотъ только избушка наша совсѣмъ развалилась, Музгарко.

Осенній день коротокъ. Старикъ все время проходилъ около своей избушки, поправляя и то, и другое, чтобы лучше ухорониться на зиму. Въ одномъ мѣстѣ мохъ вылѣзъ изъ пазовъ, въ другомъ —бревно подгнило, въ третьемъ

уголь совсѣмъ осѣлъ и, того гляди, отвалится. Давно-бы ужъ новую избушку пора ставить, да одному, все равно, ничего не подѣлать.

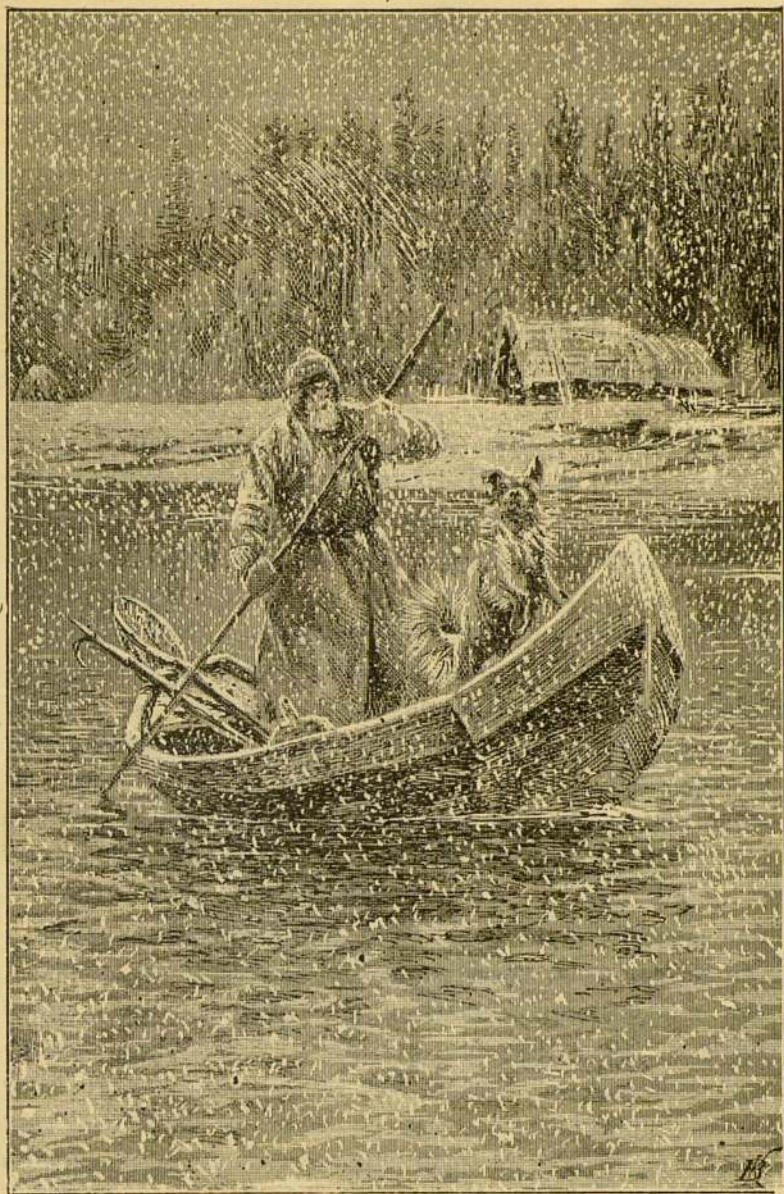
— Какъ-нибудь, можетъ, перебыюсь зиму,—думалъ старикъ вслухъ, постукивая топоромъ въ стѣну.—А вотъ обозъ придетъ, такъ тогда...

Выпавшій снѣгъ всѣ мысли старика сводилъ на обозъ, который приходилъ по первопутку, когда вставали рѣки. Людей онъ только и видѣлъ одинъ разъ въ году. Было о чемъ подумать. Музгарко отлично понималъ каждое слово хозяина и при одномъ словѣ «обозъ» смотрѣлъ вверхъ рѣки и радостно взвизгивалъ, точно хотѣлъ отвѣтить, что вонъ, молъ, откуда придетъ обозъ-то, изъ-за мыса.

Къ избѣ былъ придѣланъ довольно большой низкій срубъ, служившій лѣтомъ амбаромъ, а зимой казармой для почлега ямщиковъ. Чтобы защитить отъ зимней непогоды лошадей, старикъ съ осени устраивалъ около казармы изъ молодыхъ пушистыхъ пихтъ большую загородку. Намаются лошади тяжелой дорогой, запотѣютъ, а вѣтеръ дуетъ холодный, особенно съ солновосхода. Ахъ, какой бываетъ вѣтеръ, — даже дерево не выносить и поворачиваетъ свои вѣтви въ теплую сторону, откуда весной летитъ всякая птица.

Кончивъ работу, старикъ сѣлъ на обрубокъ дерева подъ окномъ избушки и задумался. Собака сѣла у его ногъ и положила свою умную голову къ нему на колѣни. О чемъ думалъ старикъ? Первый снѣгъ всегда и радовалъ его, и наводилъ тоску, напоминая старое, что осталось вонъ за тѣми горами, изъ которыхъ выбѣгала р. Студеная. Тамъ у него былъ и свой домъ, и семья,

и родные—были, а теперь никого не осталось. Всѣхъ онъ пережилъ, и вотъ гдѣ привелъ Богъ кончить вѣкъ: умереть—некому глаза закрыть. Охъ, тяжело старое одиночество, а тутъ лѣсъ кругомъ, вѣчная тишина, и не съ кѣмъ слова сказать. Одна отрада оставалась: собака. И любилъ же ее старикъ, гораздо больше, чѣмъ любятъ люди другъ друга. Вѣдь она для него была все и тоже любила его. Не одинъ разъ случалось такъ, что на охотѣ Музгарко жертвовалъ своей собачьей жизнью за хозяина, и уже два раза медвѣдь помялъ его за отчаянную храбрость.

— А, вѣдь, старъ ты стаешь, Музгарко,—говорилъ старикъ, глядя собаку по спинѣ.—Вонъ и спина прямая стала, какъ у волка, и зубы притупились, и въ глазахъ муть... Эхъ, старикъ, старикъ, съѣдятъ тебя зимой волки!.. Пора, видно, намъ съ тобой и помирать...

Собака была согласна и помирать. Она только тѣснѣе прижималась всѣмъ тѣломъ къ хозяину и жалобно моргала. А онъ сидѣлъ и все смотрѣлъ на почернѣвшую рѣку, на глухой лѣсъ, зеленой стѣной уходившій на сотни верстъ туда, къ студеному морю, на чуть брежжившія горы въ верховьяхъ Студеной, — смотрѣлъ и не шевелился, охваченный своей тяжелой стариковской думой.

Вотъ о чемъ думалъ старикъ.

Родился и выросъ онъ въ глухой лѣсной деревушкѣ Чалпанъ, засѣвшей на р. Колвѣ. Мѣсто было глухое, лѣсистое, хлѣбъ не родился, и мужики промышляли кто охотой, кто сплавомъ лѣса, кто рыбной ловлей. Деревня была бѣдная, какъ почти всѣ деревни въ Чердынскомъ краю, и многіе уходили на промыселъ куда-нибудь на сторону: на солеваренные промыслы въ Усолъе, на плоть-

бища по р. Вишерѣ, гдѣ строились лѣсопромышленниками громадныя баржи, на желѣзные заводы по р. Камѣ. Старикъ тогда былъ совсѣмъ молодымъ и звали его по деревнѣ Елеской Шишмаремъ,—вся семья были Шишмари. Отецъ промыслялъ охотой, и Елеска съ нимъ еще мальчикомъ прошелъ всю Колву. Били они и рябчика, и бѣлку, и куницу, и оленя, и медвѣдя—что попадетъ. Изъ дому уходили недѣли на двѣ, на три. Потомъ Елеска выросъ, женился и зажилъ своимъ домомъ въ Чалпанѣ, а самъ по прежнему промыслялъ охотой. Стала потихоньку у Елески подрастать своя семья—два мальчика да дѣвочка, славныя ребятки росли и были бы отцу подмогой на старости лѣтъ. Но Богу было угодно другое: въ холерный годъ вся семья Елески вымерла... Случилось это горе осенью, когда онъ ушелъ съ артелью другихъ охотниковъ въ горы за оленями. Ушелъ онъ семейнымъ человѣкомъ, а вернулся бобылемъ. Тогда половина народу въ Чалпанѣ вымерла: холера прошла на Колву съ Камы куда уходили на сныгвы чалпанскіе мужики. Они и занесли съ собой страшную болѣзнь, которая косила людей, какъ траву.

Долго горевалъ Елеска, но во второй разъ не женился: поздно было вторую семью заводить. Такъ онъ и остался бобылемъ, и пуще прежняго занялся охотой. Въ лѣсу было весело, да и привыкъ ужъ очень къ такой жизни Елеска. Только и тутъ стряслась съ нимъ великая бѣда. Обошелъ онъ медвѣжью берлогу, хорошаго звѣря подглядѣлъ и уже впередъ рассчиталъ, что въ Чердыни за медвѣжью шкуру получить всѣ пять рублей. Не въ первый онъ разъ выходилъ на звѣря съ рогатиной да съ пожомъ, но на этотъ разъ сплеховалъ — поскользнулась

у Елески одна нога, и медвѣдь насѣлъ на него. Разсви-
рѣпѣвшій звѣрь обломалъ охотника на смерть, а лицо
сдвинулъ ударомъ лапы на сторону. Едва приползъ
Елеска изъ лѣсу домой, и здѣсь свой знахарь лѣчилъ
его цѣлыхъ полгода: остался живъ, а только сдѣлался
уродомъ. Не могъ далеко уходить въ лѣсъ, какъ прежде,
когда ганивалъ сохатаго *) на лыжахъ верстъ по семи-
десяти, не могъ промыслять наравнѣ съ другими охот-
никами—однимъ словомъ, пришла бѣда неминуемая.

Въ своей деревнѣ дѣлать Елескѣ было нечего, кор-
миться мірскимъ подаваніемъ не хотѣлъ, и отправился
онъ въ городъ Чердынъ, къ знакомымъ купцамъ, кото-
рымъ раньше продавалъ свою охотничью добычу. Мо-
жетъ, мѣсто какое-нибудь обыщутъ Елескѣ богатые купцы.
И нашли.

— Бывалъ на волокъ съ Колвы на Печору **)?) — спра-
шивали его промышленники.—Тамъ на р. Студеной зи-
мовье, такъ вотъ тебѣ быть тамъ сторожемъ... Вся ра-
бота только зимой: — встрѣтить да проводить обозы, а
тамъ гуляй себѣ цѣлый годъ. Харчъ мы тебѣ будемъ
давать, и одежду, и припасъ всякій для охоты—по бли-
зости отъ зимовья промыслять можешь.

— Далеконько, ваше степенство...—замаялся Елеска.—
Во всѣ стороны отъ зимовья верстъ на сто жилья нѣтъ,
а лѣтомъ туда и не пройдешь.

— Ужь это твое дѣло: выбирай изъ любыхъ. Дома
голодать, или на зимовьѣ бариномъ жить...

Подумалъ Елеска и согласился, а купцы высылали ему

*) Сохатый — лось.

**) Колва и Печора — рѣки въ Архангельской губерніи.

и харчъ и одежду только одинъ годъ. Потомъ Елеска долженъ былъ покупать все на деньги отъ своей охоты и рыбной ловли на зимовьѣ. Такъ онъ и жилъ въ лѣсу. Годъ шелъ за годомъ, Елеска состарился и боялся только одного, что придетъ смертный часъ, и некому будетъ его похоронить.

II.

До обоза, пока рѣки еще не стали, старикъ успѣлъ нѣсколько разъ сходить на охоту. Боровой рябчикъ поспѣлъ давно, но бить его не стоило, потому что все равно сгниетъ въ теплѣ. Обозный прикащикъ всегда покупалъ у старика рябчиковъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что изъ этихъ мѣстъ шель крѣпкій и бѣлый рябчикъ, который долго не портился, а это всего важнѣе, потому что убитые на Студеной рябчики долетали до Парижа. Ихъ скупали купцы въ Чердыни, а потомъ отправляли въ Москву, а изъ Москвы рябчиковъ везли громадными партіями за границу. Старикъ на двадцать верстъ отъ своей избушки зналъ каждое дерево и съ лѣта замѣчалъ всѣ рябиные выводки, гдѣ они высиживались, паслись и кормились. Когда выводки поспѣвали, онъ зналъ, сколько штукъ въ каждомъ, но для себя не прочилъ ни одного, потому что это былъ самый дорогой товаръ, и онъ получалъ за него самый дорогой припасъ,—порохъ и дробь.

Нынѣшняя охота посчастливилась необыкновенно, такъ что старикъ заготовилъ паръ тридцать еще до прихода обоза и боялся только одного, какъ бы не ударила ростепель. Рѣдко случалась такая ростепель на Студеной, но могла и быть.

— Ну, теперь мы съ тобой на припасъ добыли,— объяснял старикъ собакѣ, съ которой всегда разговаривалъ, какъ съ человѣкомъ.—А пока обозъ ходитъ съ хлѣбомъ на Печору, мы и харчъ себѣ обрабатываемъ... Главное: соли добыть побольше. Ежели бы у насъ съ тобой соль, такъ богаче бы насъ не было вплоть до самой Чердыни.

О соли старикъ постоянно говорилъ. Ахъ, кабы соль была—не житье, а рай. Теперь рыбу ловилъ только для себя, а остальную сушилъ,—какая цѣна такой сушеной рыбѣ? А будь соль, тогда бы онъ рыбу солилъ, какъ печорскіе промышленники, и получалъ бы за нее вдвое больше, чѣмъ теперь. Но соль стоила дорого, а запастъ ее приходилось бы пудовъ по двадцати,—гдѣ же такую уйму деньжищъ взять, когда съ грѣхомъ пополамъ хватало на харчъ да на одежду. Особенно жалѣлъ старикъ, когда лѣтнимъ дѣломъ въ Петровки убивалъ оленя: свѣжее мясо портится скоро—два дня поѣсть оленины, а потомъ бросай? Сушеная оленина какъ дерево.

Стала и Студеная. Горная холодная вода долго не замерзаетъ, а потомъ ледъ вездѣ проѣдается полыньями. Это ключи изъ земли бьютъ. Запасалъ теперь старикъ и свѣжую рыбу, которую можно было сейчасъ морозить, какъ рябчиковъ. Лиха бѣда въ томъ, что времени было мало. Того и гляди, что подвалить обозъ.

— Скоро, Музгарко, харчъ намъ придетъ...

Собственно, хлѣбъ у старика вышелъ еще до заморозковъ, и онъ подмѣшивалъ къ остаткамъ ржаной муки толченую сухую рыбу. Ъсть одно мясо или одну рыбу было нельзя. Дня черезъ три такъ отобѣть, что потомъ въ ротъ не возьмешь. Конечно, самоѣды и вогулы пи-

таются одной рыбой, такъ они къ этому привычны, а русскій человѣкъ хлѣбный, и не можетъ по ихнему.

Обозъ пришелъ совершенно неожиданно. Старикъ спалъ ночью, когда закрипѣли возы, и слышался крикъ:

— Эй, дѣдушка, живѣ-ли ты?... Прймай гостей... Давно не видались.

Старика больше всего поразило то, что Музгарко про- караулилъ дорогихъ жданныхъ гостей. Обыкновенно онъ чуялъ ихъ, когда обозъ еще былъ версты за двѣ, а нынче не слыхалъ. Онъ даже не выскочилъ на улицу, чтобы полаять на лошадей, а стыдливо спрятался подъ хозяй- скую лавку и не подалъ голосу.

— Музгарко, да ты въ умѣ-ли?—удивлялся старикъ.— Проспалъ обозъ... ахъ, нехорошо!...

Собака выползла изъ подъ лавки, лизнула его въ руку и опять скрылась; она сама чувствовала себя виноватой.

— Эхъ, старъ сталъ: шохъ потерялъ,—замѣтилъ съ грустью старикъ.—И слышитъ плохо на лѣвое ухо.

Обозъ состоялъ воевъ изъ пятидесяти... На Печору чердынскіе купцы отправляли по первопутку хлѣбъ, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свѣжую рыбу. Дѣло было самое спѣшное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше другихъ,—шла дорогая печор- ская семга. Обозъ долженъ былъ сломать трудную пу- тину въ двѣ недѣли, и ямщики спали только во время кормежекъ, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назадъ, тогда ужъ и спать почти не приходилось. А до- рога черезъ волокъ была трудная, особенно горами. До- рога скверная, каменистая, сани не кованныя, а по рѣч- камъ вездѣ наледи да промоины. Много тутъ погублено хорошихъ лошадей, а людямъ приходилось работать, какъ

нигдѣ: вывозить воза въ гору на себѣ, добывать ихъ изъ воды, вытаскивать изъ раскатовъ. Только одни колвинскіе ямщики и брались за такую проклятую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда.

Въ зимовьѣ на Студеной обозъ дѣлалъ передышку: вмѣсто двухчасовой кормежки, лошади здѣсь отдыхали цѣлыхъ четыре. Казарму старикъ подтопилъ заранѣе, и ямщики, пустивъ лошадей къ корму, завалились спать на деревянныхъ нарахъ ямщицкимъ мертвымъ сномъ. Не спалъ только молодой прикащикъ, еще въ первый разъ ѣхавшій на Печору. Онъ сидѣлъ у старика въ избушкѣ и разговаривалъ.

— И не страшно тебѣ въ лѣсу, дѣдушка?

— А чего бояться, Христосъ съ нами!... Привычное наше дѣло. Въ лѣсу выросли...

— Да какъ же не бояться: одинъ, въ лѣсу...

— А у меня песикъ есть... Вотъ, вдвоемъ и коротаемъ время. По зимамъ вотъ волки одолѣваютъ, такъ онъ мнѣ впередъ сказываетъ, когда придутъ они въ гости. Чуетъ... И дошлая: сама подманиваетъ волковъ. Они бросятся за ней, а я ихъ изъ ружья... Умнѣющая собака: только вотъ не скажетъ, какъ человѣкъ. Я съ ней всегда разговариваю, а то, пожалуй, и говорить разучишься...

— Откуда же ты такую добылъ, дѣдушка?

— А Богъ мнѣ ее послалъ... Не ладно это про пса говорить, а только оно похоже. Давно это было, почти годовой съ десять. Вотъ по зимѣ, такъ передъ Рождествомъ, выслѣживалъ я въ горахъ лосей... Была у меня собачка, еще съ Колвы привелъ. Ну, ничего, правильный песикъ: и звѣря бралъ, и птицу искалъ, и бѣлку— все какъ слѣдуетъ. Только иду я съ нимъ по лѣсу и

вдругъ этотъ Музгарко прямо какъ выскочить на меня. Даже испугаль... Не за обычай это у нашихъ промысловыхъ собакъ, штобы къ незнакомому человѣку ластиться, какъ къ хозяину, а эта такъ прямо ко мнѣ и бросилась. Вижу, што дѣло какъ будто не ладно. А онъ этакъ смотритъ на меня, умненько таково, а самъ ведетъ все дальше... И штобы ты думаль, братецъ ты мой, вѣдь привель! Въ логотинѣ этакъ вижу шалашикъ изъ хвои, а изъ шалашика чуть парь... Подхожу. Въ шалашикѣ вогуль лежитъ, боленъ, значить, и отъ своей артели отсталъ... Пряменько сказать: помираетъ человѣкъ. На охотѣ его ухватила немочь, другимъ-то не ждаты. Увидалъ меня, обрадовался, а самъ едва ужъ языкомъ ворочаетъ. Больше все руками объяснилъ... Вотъ онъ меня и благословилъ этимъ песикомъ... При мнѣ и померъ, сердята, а я его закопаль въ снѣгу, заволокъ хворостомъ да бревномъ придавилъ сверху, штобы волки не съѣли. А Музгарко, значить, мнѣ достался... Это по рѣчкѣ я его назваль, гдѣ вогуль помираль: Музгаркой звать рѣчку, ну, я и собаку такъ-же назваль. И умный песикъ... По лѣсу идетъ, такъ послѣ него хоть метлой подметай — ничего не найдешь. Ты думаешь, онъ вотъ сейчасъ не понимаетъ, што о немъ говорятъ?.. Все понимаетъ...

— Зачѣмъ онъ подъ лавкой-то лежитъ?

— А устыдился, потому обозъ прокараулил. Старь сталъ... Два раза меня отъ медвѣдя ухранилъ: медвѣдь-то на меня, а онъ его и остановить. Прежде я съ рогатиной ходилъ на медвѣдя, когда еще въ силѣ былъ, а какъ одинъ меня починилъ, ну, я ужъ изъ ружья поровлю его свалить. Тоже его надо умѣючи взять: смышлястый звѣрь.

— Ну, а зимой-то, поди, скучно въ избушкѣ сидѣть?

— Привышное дѣло... Вотъ только праздники когда, такъ скушновато. Добрые люди въ храмѣ божьемъ, а у меня волки обѣдно завываютъ. Ну, я тогда свѣчку затеплю передъ образомъ, и самъ службу пою... Со слезами тоже молюсь.

Славный этотъ прикащикъ, молодой такой, и все ему надо знать. Елеска обрадовался живому человѣку и все рассказывалъ про свою одинокую жизнь въ лѣсу.

— У меня по веснѣ праздникъ бываетъ, милый человѣкъ, когда съ теплаго моря птица прилетитъ. И сколько ее летитъ: туча... По Студеной-то точно ее насыпано... Всякаго сословія птица: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на зарѣ, такъ стонъ идетъ по Студеной. И нѣтъ лучше твари, какъ перелетная птица: самая божья тварь... Большія тыщи верстъ летитъ, тоже устанетъ, затощаетъ и мѣсту рада. Прилетѣла, вздохнула денекъ и сейчасъ гнѣздо налаживать... А я хожу и смотрю: мнѣ Богъ гостей прислалъ. И какъ наговариваютъ... Слушаешь-слушаешь, инда слеза пройметъ. Любезная тварь перелетная птица... Я ее не трогаю, потому трудница предъ Господомъ. А когда гнѣзда она строить—это-ли не божецкое произволенье... Человѣку такъ не состроить. А потомъ матки съ выводками на Студеную выплываютъ... Красота, радость... Плаваютъ, пощущатся гогочутъ... Неочерпаемо здѣсь перелетной птицы. Праздникомъ все лѣтичко прокатится, а къ осени начнетъ птичка грудиться стайками: пора опять въ дорогу. И собираются, какъ люди... Лопочутъ по своему, суетятся, молодыхъ учатъ, а потомъ и поднялись... Раннимъ утромъ снимаются съ мѣста, вожакъ въ головѣ летитъ. А есть и такія, которыя остаются: здоровьемъ слаба выйти, или поздышки выведутся. Жаль на нихъ глядѣть,

*

Кричатъ, бѣдныя, когда мимо нихъ стая за стаяй летить. На Студеной все околачиваются... Плаваютъ — плаваютъ, пока забереги настынутъ, потомъ въ полыньяхъ кружатся... Ну, этихъ ужъ я изъ жалости пришибу. Што ей маяться-то, все равно сгибнетъ... Лебеди у меня тутъ въ болотѣ гнѣзда вьютъ. Всякой твари свое произволенье, свой предѣлъ... Одного только у меня не хватаетъ, родной человѣкъ: который годъ прошу ямщиковъ, штобы пѣтушка мнѣ привезли... Зимой-то ночи долгія, конца нѣтъ, а пѣтушокъ-то и сказалъ бы, который часъ на дворѣ.

— Въ слѣдующій разъ я тебѣ привезу самаго горластаго, дѣдушка: какъ дьяконъ будетъ орать.

— Ахъ, родной, то-то уважилъ бы старика... Втроемъ бы мы вотъ какъ зажили! Скушно, когда по зимамъ мертвая тишь встанетъ, а тутъ бы пѣтушокъ, глядишь, и взвеселилъ... Тоже не простая тваринка, пѣтушокъ-то: другой такой нѣтъ, штобы часы сказывала. На потребу человѣку пѣтушокъ сотворень.

Прикащика звали Флегонтомъ. Онъ оставилъ старому Елескѣ и муки, и соли, и новую рубаху, и пороху, а на обратномъ пути съ Печоры привезъ подарокъ.

— Я тебѣ часы привезъ, дѣдушка, — весело говорилъ онъ, подавая мѣшокъ съ пѣтухомъ.

— Ахъ, кормилецъ, ахъ, родной... Да какъ я тебя благодарить буду? Ну, пошли тебѣ Богъ всего, чего самъ желаешь. Поди и невѣста гдѣ-нибудь подгляжена, такъ любовь да совѣтъ...

— Есть такой грѣхъ, дѣдушка, — весело отвѣтилъ Флегонтъ, встряхивая русыми кудрями — Есть въ Чердыни два свѣтлыхъ глаза: посмотрѣли они на меня, да и заворожили... Ну, оставайся съ Богомъ.

— Соболяка припасу твоей невѣстѣ на будущую осень, какъ опять поѣдешь на Печору. Есть у меня одинъ на примѣтѣ...

Ушелъ обозъ въ обратный путь, и остался старикъ съ пѣтушкомъ. Радости-то сколько... Пестренькій пѣтушокъ, гребешокъ красенькій—ходить по избушкѣ, каждое перышко играетъ. А ночью какъ гаркнетъ... То-то радость и утѣшеніе. Каждое утро сталъ Елеска теперь разговаривать съ своимъ пѣтушкомъ, а Музгарко ихъ слушаетъ.

— Што, завидно тебѣ, старому?—дразнить Елеска собаку.—Только твоего и ремесла, што лаять... а вотъ ты по пѣтушинуму спой!..

Замѣтилъ старикъ, какъ будто заскучалъ Музгарко. Понурый такой ходить... Не можетъ что-то собакѣ. Должно полагать, ямщики сглазили.

— Музгарушко, да што это съ тобой попритчилось? Гдѣ болить?..

Лежить Музгарко подъ лавкой, положилъ голову между лапами и только глазами моргаетъ.

Всполошился старикъ: накатилась бѣда неожиданная. А Музгарко все лежить, не ѣсть, не пить и голосу не подаетъ.

— Музгарушко, милый?..

Вильнулъ хвостомъ Музгарко, подползъ къ хозяину, лизнулъ руку и тихо взвылъ. Охъ, плохо дѣло...

III.

Ходить вѣтеръ по Студеной, наметааетъ саженные сугробы снѣга, завываетъ въ лѣсу, точно голодный волкъ, и избушка Елески совсѣмъ потонула въ снѣгу. Торчитъ безъ малаго одна труба, да вьется изъ нея синяя струйка дыма...

Воетъ пурга *) уже двѣ недѣли, двѣ недѣли не выходитъ изъ своей избушки старикъ и все сидитъ надъ больной собакой. А Музгарко лежить и едва дышетъ: пришла Музгаркина смерть.

— Кормилецъ ты мой... плачетъ старикъ и цѣлуетъ вѣрнаго друга.—Родной ты мой... ну, гдѣ болить?..

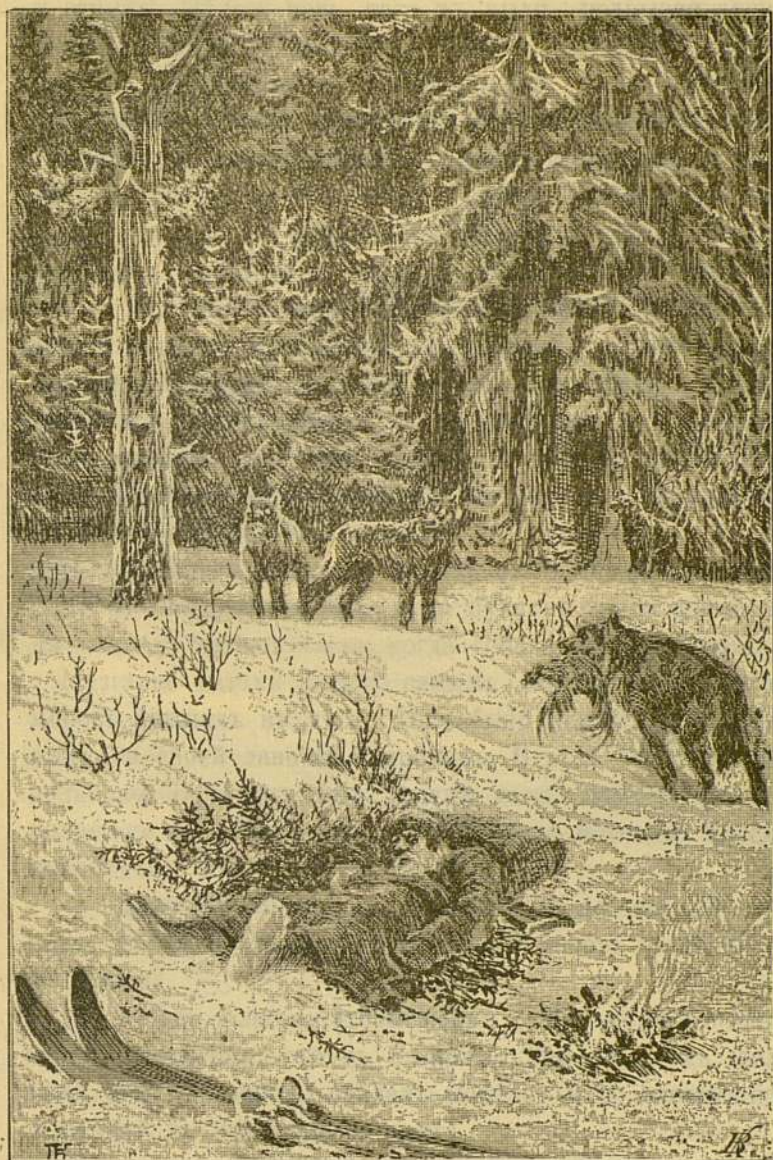
Ничего не отвѣчаетъ Музгарко, какъ раньше. Онъ давно почувалъ свою смерть и молчитъ... Плачетъ, убивается старикъ, а помочь нечѣмъ: отъ смерти лекарства нѣтъ. Ахъ, горе какое лютое привалилось... Съ Музгаркой умерла послѣдняя надежда старика, и ничего, ничего не оставалось для него, кромѣ смерти. Кто теперь будетъ искать бѣлку, кто область глухаря, кто выслѣдить оленя — смерть безъ Музгарки, ужасная голодная смерть. Хлѣбнаго припасу едва хватить до Крещенья, а тамъ помирать...

Воетъ пурга, а старикъ вспоминаетъ, какъ жилъ онъ съ Музгаркой, какъ ходилъ на охоту и промышлялъ себѣ добычу. Куда онъ безъ собаки?

А тутъ еще волки... Учуяли бѣду, пришли къ избушкѣ

---

*) Пурга — снѣжная мятель.

и завыли. Цѣлую ночь такъ-то выли, надрывая душу. Некому теперь пугнуть ихъ, облаять, подманить на выстрѣль... Вспомнился старику случай, какъ одолѣвалъ его медвѣдь-шатунъ. Шатунами называютъ медвѣдей, которые во время не залегли съ осени въ берлогу и бродятъ по лѣсу. Такой шатунъ самый опасный звѣрь... Вотъ и повадился медвѣдь къ избушкѣ: учуялъ запасы у старика. Какъ ночь, такъ и придетъ. Два раза на крышу залѣзалъ и лапами разгребалъ снѣгъ. Потомъ выворотилъ дверь въ казармѣ и утащилъ цѣлый ворохъ запасенной старикомъ рыбы. Донялъ-таки шатунъ Елеску до самаго нелзя. Озлобился на него старикъ за озорство, зарядилъ винтовку пулей и вышелъ съ Музгаркомъ. Медвѣдь такъ и прынулъ на старика и навѣрно-бы его смялъ подъ себя, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ бы въ него выстрѣлить, но спасъ Музгарко. Ухватилъ онъ звѣря сзади и посадилъ, а Елескина пуля не знала промаха. Да мало-ли было случаевъ, когда собака спасала старика.

Музгарко издохъ передъ самымъ Рождествомъ, когда морозъ трещалъ въ лѣсу. Дѣло было ночью. Елеска лежалъ на своей лавочкѣ и дремалъ. Вдругъ его точно что кольнуло. Вскочилъ онъ, вздулъ огня, зажегъ лучину, подошелъ къ собакѣ—Музгарко лежалъ мертвый. Елеска похолодѣлъ: это была его смерть.

— Музгарко. Музгарко...—повторялъ несчастный старикъ, цѣлая мертваго друга. —Што я теперь дѣлать буду безъ тебя?

Не хотѣлъ Елеска, чтобы волки съѣли мертваго Музгарку, и закопалъ его въ казармѣ. Три дня онъ долбилъ мерзлую землю, сдѣлалъ могилку и со слезами похоронилъ въ ней вѣрнаго друга.

Оставался одинъ пѣтушокъ, который по-прежнему будилъ старика ночью. Проснется Елеска, и сейчасъ вспомнить про Музгарко. И сдѣлается ему горько и тошно до смерти. Поговорить не съ кѣмъ.. Конечно, пѣтушокъ—птица занятая, а все-таки птица, и ничего не понимаетъ.

— Эхъ, Музгарко! — повторялъ Елеска по нѣскольку разъ въ день, чувствуя, какъ все начинается у него валиться изъ рукъ.

Бѣднымъ людямъ приходится забывать свое горе за работой. Такъ было и тутъ. Хлѣбные запасы приходили къ концу, и пора было Елескѣ подумать о своей головѣ. А главное, тошно ему теперь показалось оставаться въ своей избушкѣ.

— Эхъ, брошу все, уйду домой на Колву, а то въ Чердынъ проберусь!—рѣшилъ старикъ.

Поправилъ онъ лыжи, на которыхъ еще молодымъ гонялъ оленей, снарядилъ котомку, взялъ запасу дней на пять, простился съ Музгаркиной могилкой и тронулся въ путь. Жаль было пѣтушка оставлять одного, и Елеска захватилъ его съ собой: посадилъ на котомку и нестеть. Отошелъ старикъ до каменнаго мыса, оглянулся на свое жилище и заплакалъ: жаль стало насиженнаго теплаго угла.

— Прощай, Музгарко.. —

Трудная дорога вела съ зимовья на Колву. Сначала пришлось идти на лыжахъ по Студеной. Это было легко, но потомъ начались горы, и старикъ скоро выбился изъ силъ. Прежде-то, какъ олень, бѣгалъ по горамъ, а тутъ на двадцати верстахъ обезсилѣлъ. Хоть ложись и помирай... Выкопалъ онъ въ снѣгу ямку поглубже, устлалъ хвоей,

развелъ огонька, поѣлъ, что было въ котомкѣ, и прилегъ отдохнуть. И пѣтушка закрылъ котомкой... Съ устали онъ скоро заснулъ. Сколько онъ спалъ, долго-ли, коротко-ли, только проснулся отъ пѣтушинаго крика.

— Волки... — мелькнуло у него въ головѣ.

Но хочетъ онъ подняться, и не можетъ, точно кто его связалъ веревками. Даже глазъ не можетъ открыть... Еще разъ крикнулъ пѣтухъ и затихъ: его вмѣстѣ съ котомкой утащилъ изъ ямы волкъ. Хочетъ подняться старикъ, дѣлаетъ страшное усиліе и слышитъ вдругъ знакомый лай: точно гдѣ-то подъ землей взлаялъ Музгарко. Да, это онъ... Ближе, ближе — это онъ по слѣду нижнимъ чутьемъ идетъ. Вотъ уже совсѣмъ близко, у самой ямы... Открываетъ Елеска глаза и видитъ, дѣйствительно, Музгарко, а съ Музгаркой тотъ самый вогуль, первый его хозяинъ, котораго онъ въ снѣгу схоронилъ.

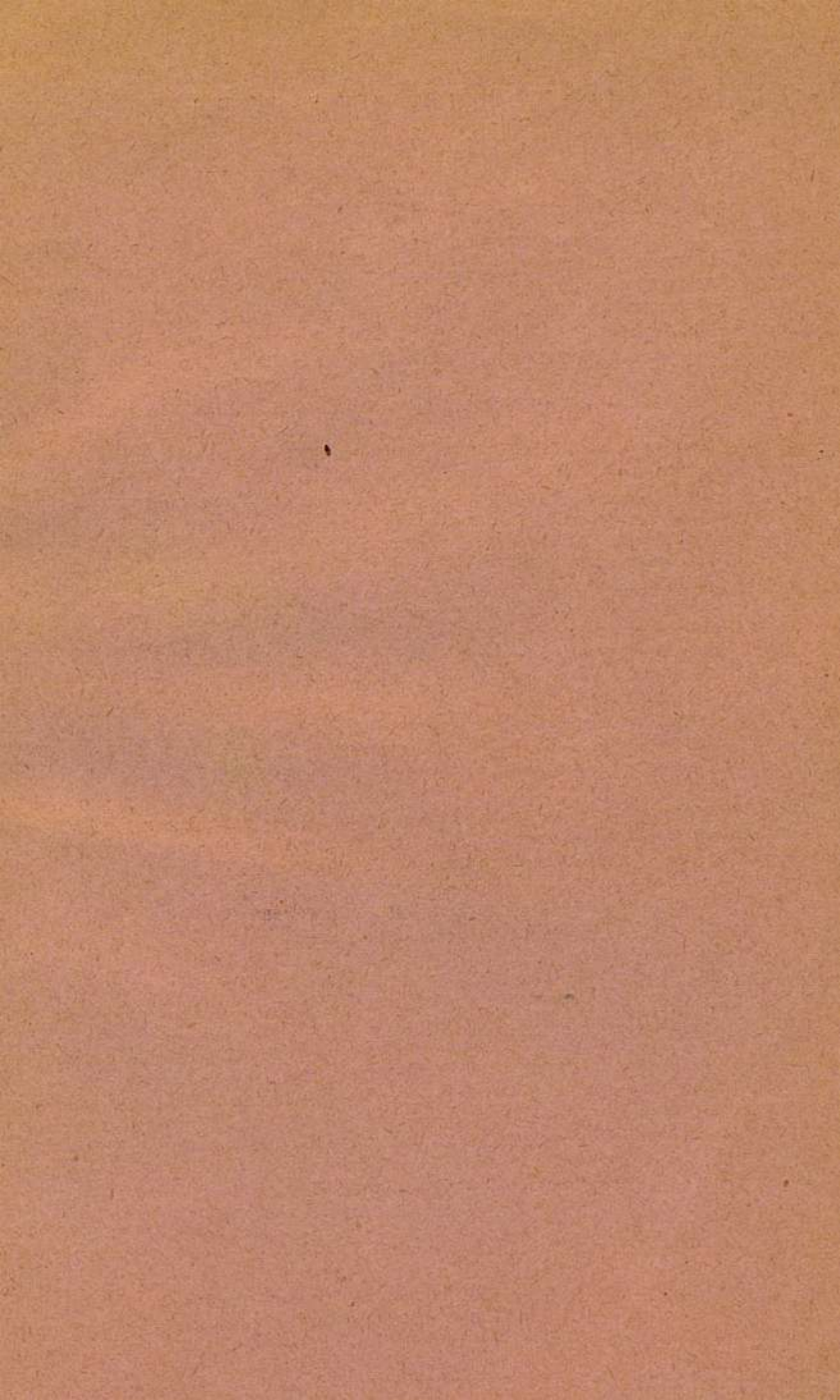
— Ты здѣсь, дѣдушка? — спрашиваетъ вогуль, а самъ смѣется. — Я за тобой пришелъ...

Дунулъ холодный вѣтеръ, рванулъ комья снѣга съ высокихъ елей и пихтъ, и посыпался онъ на мертваго Елеску: къ утру отъ его ямки и слѣдовъ не осталось.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ИЗДАНИЯ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ,
СЪ КАРТИНКАМИ:

№ 2.	Прохожій. Святочный разсказъ. Д. В. Григоровича. 5-е изд.	10 к.
№ 3.	Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонто-вымъ. 4-е изд.	15 к.
№ 5.	Крутиковъ. Разсказъ А. Г. Коваленской. 4-е изд.	10 к.
№ 8.	Злодѣй и Петъна. Повѣсть А. О. Погоскаго. 3-е изд.	10 к.
№ 11.	Былины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2-е изд.	10 к.
№ 12.	Чѣмъ люди живы. Графа Л. Н. Толстого. 2-е изд.	5 к.
№ 16.	Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Графа Л. Н. Толстого. 2-е изд.	18 к.
№ 20.	Сказаніе о св. Благověрномъ, Великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ. А. О. Петрушевскаго	10 к.
№ 25.	Судъ людской и Божій. Два разсказа А. О. Погоскаго и Г. Полисадова.	10 к.
№ 26.	Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ Графа Л. Н. Толстого.	10 к.
№ 27.	Два старика. Разсказъ Графа Л. Н. Толстого	6 к.
№ 28.	Полтава. Поэма А. С. Пушкина.	10 к.
№ 30.	Назарычъ. Разсказъ А. Г. Коваленской	15 к.
№ 32.	Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленко	10 к.
№ 33.	Царь Алексѣй, съ соколомъ. Разсказъ Г. П. Данилевскаго	5 к.
№ 34.	Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Разсказъ Г. П. Данилевскаго	5 к.
№ 35.	Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова	9 к.
№ 36.	Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова	25 к.
№ 37.	Голодовка и зимовка на новой землѣ. Разсказъ С. В. Макси-мова	10 к.
№ 39.	Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина.	30 к.
№ 40.	Зимовье на студеной. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.	3 к.
№ 41.	Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и Старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленко	3 к.
№ 42.	Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича	5 к.
№ 43.	Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича.	3 к.

Склады изданій С.-Петербургскаго Комитета Грамотности для народнаго чтенія находятся при книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюле-вича (С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5-я линія, д. № 28), А. М. Калмыковой (С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 60) и А. М. Муриновой (Москва, Бронная, Трехпрудный пер., собств. домъ).

Книгопродавцы, правительственныя, земскія, городскія и общественныя учрежденія, народныя школы и библіотеки, а также частныя лица, покупающія изданія Комитета единовременно на сумму не менѣе 10 руб-лей, пользуются въ складахъ Комитета на изданіяхъ №№ 40—43 уступ-кой въ 25%. Пересылка на счетъ покупателей.

Условія продажи изданій №№ 2—39 остаются прежнія.

Готовятся къ печати слѣдующія изданія: Аленькій цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова, 4-е изд.; Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. 2-е изд.; Безоброчный. Разсказъ Ф. Д. Нефедова.